

*Кудрявой Сигаль Фучкин,
поклоннице Джонни Деппа*

1

Во-первых, давай-ка поговорим начистоту.

Ты лежишь в кровати, все еще одетый. Правда, ботинки снял — уже хорошо, спасибо.

Читаешь книгу: держишь ее на весу одной рукой, а другую положил под голову. И вдруг понимаешь: что-то не так.

Твои подозрения, в сущности, оправданны. Но ты, видимо, решил прочесть еще несколько строк.

Постельное белье у тебя бежевое, на стене напротив кровати висит до ужаса банальный пейзаж с закатом, на тумбочке — светильник, который ты никогда не включаешь: тебя бесит, как он жужжит. Картинку ты тоже хочешь заменить. Понимаю, на твоём месте и я бы так поступил. Ведь эта — как в гостиничном номере. Нужно найти что-нибудь менее хрестоматийное, хоть с какой-никакой изюминкой.

Эту книжку ты купил, поддавшись секундному порыву, час назад и главным образом потому, что на последней странице обложки напечатано твоё имя. Ты подумал, что это просто забавное совпадение. Но это не так. Я серьезно, книжка — специально для тебя, и тебе еще предстоит это понять.

Понять, что эта книжка создана специально для того, чтобы её прочел ты, — очень важно. Это поможет тебе выжить в ближайшие дни.

У двери — твоя сумка, тяжелая, набитая под завязку без разбора — совершенно бесполезными распечатками интернет-сайтов, книжками, которые никто не читает (ну, то есть никто, кроме тебя).

Надо сказать, с твоей стороны весьма безответственно было оставлять там сумку. Когда дверь твоей квартиры взломают — а это случится примерно через... дай-ка посмотрим... одиннадцать минут, — ты явно не захочешь, чтобы они нашли то, что ищут, прямо у входа. Ах, какое дилетантство с твоей стороны!

Выплюнутая жвачка в боковом кармане тоже не делает тебе чести. Ты уже забыл о ней, я знаю. Но она лежит там. Пакость какая.

Нет-нет, не отвлекайся, читай дальше!

Ты приподнялся, опершись на локоть, — и очень скоро соберешься отложить меня в сторону и пойти умыться. Не делай этого.

Я знаю, все это неприятно, но, поверь, я на твоей стороне.

Тебя зовут Бен, тебе тридцать лет, ты работаешь в местной газете, которую толком и не читаешь. Твоя задача — добавлять интересные подробности в статьи. У тебя в голове куча бесполезных фактов, ты знаешь? Но не будем об этом. Сейчас есть куда более срочные дела.

Тебе слегка не по себе, я знаю. Мне до сегодняшнего дня не приходилось испытывать ничего подобного, но тут уж я согласен: вдруг обнаружить, что книжка, которую ты читаешь, ведет диалог с твоими мыслями, — это любого собьет с толку.

Лучше дыши глубже. Набери побольше воздуха в нос — и медленно выдохни через рот.

Через рот, я сказал!

Отлично.

Знаешь что?

Остановись-ка. У тебя получится.

Отложи книгу на секунду, пусть полежит на кровати. Ляг, следи за вдохами-выдохами. Успокойся.

Теперь можешь даже сходить умыться, как и собирался.

Но обязательно возвращайся, нужно же дочитать.

О'кей. Так лучше?

Прекрасно.

Так вот, я хочу, чтобы ты сделал следующее: спокойно, без паники, встань и подойди к окну.

Подходи сбоку, чтобы тебя не заметили.

Теперь немного задерни занавеску и выгляни на улицу: нет ли там человека в черном плаще и синей бейсболке?

Он стоит в стороне, но смотрит прямо на твое окно. Постарайся, чтобы он не заметил, что и ты на него смотришь. И снова слушай меня.

Снова слушаешь, прекрасно.

Будь здоров, кстати. Да, занавески у тебя страшно пыльные. Но этим ты займешься как-нибудь в другой раз.

Ты заметил его, не правда ли?

Так вот, знай, что через несколько минут ему надоест стоять там и ждать и он подойдет к твоему дому. Медленно поднимется по лестнице, спокойно так, и позвонит в твою дверь. Потом постучит несколько раз, и если ты ему не откроешь — он взломает ее, зайдет в квартиру — и начнет переворачивать все вверх дном.

Нет, ну не в прямом смысле — «переворачивать». Когда ты вернешься в квартиру, в ней не будет свалки из пустых ящиков комода или, там, груды перьев из подушек в ванной. Так он не работает.

Он не такой, как все обычные взломщики. Он внимательно осматривает все, что есть в квартире, но не оставит даже отпечатков пальцев.

Понимаешь, у тебя есть одна вещь, совершенно исключительная, которая очень интересует одну группу людей.

И сейчас эта вещь у тебя в сумке, под дверью.

Ясное дело, что, если ты откроешь ему дверь, все будет гораздо хуже. Он может тебя убрать глазом не моргнув. Мы с тобой и то испытываем больше эмоций, когда давим тараканов. Вспомни, когда ты в последний раз это делал. Потом было минут пять... скажем, смятения, да?

Так вот, у таких людей, как тот, который сейчас поднимется к тебе, набор инстинктов совсем другой. Если тебе что-нибудь попадет в глаз, ты моргнешь. А если ему кто-нибудь попадет в поле зрения — он свернет этому кому-нибудь шею. Похоже, но не совсем.

Ты просто препятствие на его пути. Лучше будет, если тебя не окажется здесь, когда он придет.

И тут появляюсь я.

Послушай меня. Точнее, читай меня внимательно.

Пойди в кабинет и возьми в углу маленький рюкзачок.

Вьнь из него все.

Положи в него меня, бинты из шкафчика с лекарствами, который у тебя в ванной, зубную щетку, бутылку виски — из сумки, которую ты положил под дверь. Ну и кошелек, естественно.

После этого убирайся из дома — как минимум, на ближайшую ночь. Но сейчас, мой новоиспечен-

ный друг, выйти через дверь у тебя уже не получится. Человек в бейсболке войдет в дом с минуты на минуту. Боюсь, что тебе придется вылезать в окно. Не в спальне, а в кабинете. Да, вон в то.

Там есть на что встать ногами, не волнуйся. На стене имеется выступ. Надень что-нибудь потеплее, какую-нибудь куртку, повесь рюкзак на спину, заберись на подоконник — и выходи в окно. Первые два с половиной метра придется идти медленно, ставь пятку одной ноги прямо к носку другой — и так, пока не дойдешь до водосточной трубы. Слава богу, что ты живешь в доме, на котором снаружи еще есть водосточные трубы.

Спустись по ней — тоже осторожно! Не возвращайся домой до утра. А еще лучше, если ты придешь дня через три.

А теперь самое главное:
не забудь взять меня с собой.

Ближайшие дни будут сумасшедшими — но на меня ты сможешь положиться. Просто пользуйся этой книгой как следует.

Каждый раз, когда будет нужно, — бери меня, открывай случайным образом на любой странице и читай. Но только когда это будет действительно необходимо, хорошо?

Когда придет время — я объясню тебе, что делать дальше.

А сейчас — вали отсюда. Времени у тебя — минута-полторы.

До встречи.

Мама дорогая, какая странная приемная!

То, на чем он сидел, — те, кто здесь работал, почему-то настойчиво называли это диваном (например, говорили: «Подождите здесь, на диване, через пару минут я освобожусь и подойду») — издавало скрип, стоило Бену лишь пошевелиться или даже просто глубоко вздохнуть. Предчувствие говорило ему, что, если он сдвинется вправо сантиметров на двадцать, его задница окажется, по крайней мере, на обивке, но он боялся, что диван издаст слишком громкий вопль, — и тогда немедленно на защиту к нему прибежит чувак с оружием, не дав ему даже рта раскрыть, чтобы объясниться.

Вообще, обстановка производила впечатление полного хаоса. Сбоку стоял книжный шкаф — в нем было сложено огромное количество вещей, которые вовсе не были книгами. Абажуры, например, или небольшие скопления предметов, похожих на пергаментные свитки.

Одна стена — зеленоватая, а та, что напротив него, — кремовая. От стены до стены — толстый, узкий и длинный ковер — дикая мешанина давно выцветших красок, которая выглядела как глубокий психоделический трип. На ковре — низкий столик,

и на нем — набитая опилками голова леопарда, которая когда-то, судя по всему, висела на стене, рядом — пергаменты. Казалось, что леопард проиграл в покер и все еще воет от досады, хотя игра закончилась уже несколько лет назад.

Бен задумался: кому пришлось в голову притащить голову леопарда в приемную адвоката? Да и ковер... Некоторые вещи невозможно понять, если не проникнешь в голову к тому, кто их сделал. Больше всего Бена изумляло огромное, как на заводе, окно, из которого мог бы открываться панорамный вид на город, располагайся кабинет этаже на пятидесятом, но здесь, на четвертом этаже и с этой стороны, из него открывался вид разве что на многообразие водяных баков на крышах Гивъатаима¹.

Солнце уже садилось в море, и водяные баки жадно глотали последние его лучи.

Обычно в это время он задумчиво брел к дому. На пути, который отделял одиночество на работе от одиночества дома, Бен мог отвлечься от своих мыслей, сосредоточиться на том, как он идет, не наступать на стыки тротуарных плиток — и не потому, что это важно, а потому, что так интереснее. Просто чтобы снять напряжение и не совершить какой-нибудь непоправимой ошибки.

Дорога обычно занимала семнадцать минут: от двадцати четырех до двадцати пяти тысяч шагов. Естественно, в дождливые дни — или когда он нервничал и шел быстрее — число было другим. Например,

¹ *Гивъатаим* — район Большого Тель-Авива (городской агломерации Тель-Авив–Яффо), находящийся между собственно Тель-Авивом и Рамат-Ганом.

если он уходил с работы попозже, то до дома шел слишком широкими шагами — и тогда их было всего двадцать три тысячи.

Бен снова убедился, что сумка лежит как надо, — он поставил ее на пол между ногами.

В сумке было полно бумаг, которые давно пора выкинуть, и разных книг, которые нужно прочесть, чтобы добавить всяких подробностей в позавчерашний репортаж. Рядом с распечаткой текста о том, как где-то ждут международную группу спасателей, лежали сломанный маленький калькулятор, кусочки пазла — поди знай, что это — части неба или воды, — обертки жвачки, пастилки, старые монеты, просроченный баллончик слезоточивого газа, пакет соевого молока, который чудом еще не порвался, и несколько журналов, свернутых трубкой, причем максимально неумело.

А, и еще маленький нетбук, на диске которого — почти вся жизнь Бена. Он всегда верил в резервные копии — просто ему ни разу не удалось претворить в жизнь эту веру.

Дверь около дивана распахнулась — и на пороге возник женский силуэт.

Это была молодая девушка, с блестящими, черными, коротко стриженными волосами, одетая в синие джинсы и облегающую черную блузку. В одной руке у нее была бутылка виски, другой она записывала в задний карман джинсов конверт. Она равнодушно скользнула глазами по Бену и его дивану и, перед тем как выйти из приемной, еще раз обернулась на прощанье, изобразила улыбку уголками губ и закрыла за собой дверь.

Из-за двери, откуда только что выскочила девушка, высунулась седеющая и лысеющая голова.

— Пожалуйста, входите, господин Шварцман, — сказала голова и снова исчезла.

Бен медленно встал с дивана (который издал обиженный скрип) и взял с пола свою сумку.

Он одернул футболку, провел пальцами по волосам. Не потому, что решил привести себя в порядок перед встречей. Он вообще не понимал, зачем он здесь находится. Это была просто привычка: после этой небольшой процедуры он меньше нервничал.

Непонятных и непредсказуемых встреч он не любил.

Неуверенной походкой он вошел в комнату.

— Входите, входите, — кивнула лысеющая голова, возвышающаяся над широким деревянным столом. — Садитесь, пожалуйста.

Хозяин указал на стул напротив.

В офисе, в отличие от приемной, был полный порядок и почти футуристический дизайн.

За спиной адвоката тянулись полки книг, без пыли, с матовыми стеклами. На столе — белый блестящий ноутбук, надкушенное огненно-красное яблоко; рядом — стандартные семейные фотографии и канцелярская подставка для ручек. Адвокат Стушберг сидел в высоком черном директорском кресле. Кресло напротив тоже выглядело так, что на него можно сесть не боясь.

Паркетный пол.

На стене — дипломы, фотографии с министрами и даже одной топ-моделью с застывшей улыбкой.

Кондиционер.

Бен сел и положил на пол сумку, которая немного раскрылась, как обычно. Полсекунды помедлил, потом опомнился и протянул руку через стол.

— Здравствуйте.

Стушберг пожал его вялую руку.

— Здравствуйте, — сказал он. — Спасибо, что зашли. Я так понимаю, что мой звонок был для вас большой неожиданностью.

Бен пожал плечами. Он никогда не знал, как отвечать на то, что и так само собой разумеется.

Адвокат положил руку на стол.

— Ладно, — сказал он и постучал пальцами по столешнице. — Значит, так.

Он развернул к Бену фотографию, которая лежала на столе:

— Узнаете, кто это?

Бен наклонился и поправил очки:

— Э-э-э... справа — вы, мне кажется.

— Верно.

— А слева, если я не ошибаюсь, — Хаим Вольф. Вы оба здесь моложе, чем сейчас.

Стушберг улыбнулся и покачал головой.

— Гораздо моложе, — сказал он. — Эта фотография сделана лет сорок назад, когда мы оба были молоды и красивы. Но я рад, что вы узнали нас обоих. Особенно Вольфа.

— Вольфа? Так это из-за него я здесь?

— Мы с Хаимом Вольфом встретились всего за два месяца до того, как был сделан этот снимок, и могу сказать, что уже через пятнадцать минут этот парень мне понравился. Он был старше меня лет на пятнадцать, но, несмотря на разницу в возрасте, мы подружились. За многие годы мы набедокурили вместе немало, но почему-то в последнее время связь между нами практически прервалась. Я понятия не имел, что с ним. И вдруг год назад он позвонил мне. Я узнал, что он живет в доме престарелых, что у него нет родственников и к нему никто не приходит, что дела у него шли... как бы сказать... не лучшим образом.

Бен хотел сказать, что еще совсем недавно думал, что Хаим Вольф — один из самых здоровых и жизнерадостных стариков, которых он когда-либо встречал; и вот неделю назад узнал, что тот умер во сне. Но человек, сидящий напротив него, говорил так вдохновенно, что встречать и грузить его фактами не хотелось.

— Вольф попросил, чтобы я заехал к нему в дом престарелых, а я, разумеется, охотно согласился. Встреча получилась хорошая. У Вольфика всегда было чувство юмора. Жизненный опыт, понимаешь, дает тебе перспективу. Так или иначе, после того, как каждый рассказал о своем: я — о своих женщинах, а он — о своих медсестрах, — выяснилось, что Вольф позвал меня, чтобы написать завещание. «Ты единственный адвокат, кого я знаю, — сказал он. — Тебе известно, что с твоими коллегами я не в ладах, а мне нужен тот, на кого я могу положиться».

В тот вечер мы сидели и вместе писали завещание. Одно из наиболее странных завещаний, которые мне когда-либо пришлось записывать. Все, что было у Вольфа — по крайней мере, в его комнатке в доме престарелых, — он решил оставить тем, кто заботился о нем. Другим людям он попросил отдать всего две вещи: две бутылки старого виски, к которым он, видимо, относился особенно трепетно.

Стушберг повернулся в кресле, снова постучал пальцами по столу, искоса посмотрел на Бена:

— Откуда вы знали Вольфика?

Бен не знал, какую версию хочет услышать адвокат, и выбрал самую краткую.

— Иногда я приходил к нему в гости. Мы сидели, болтали, играли в шахматы. Он любил шахматы, особенно когда выигрывал.

Стушберг кивнул:

— Да, он любил выигрывать. — Он потер лоб, как будто пытаясь успокоить разбушевавшиеся мысли. — Я не работаю адвокатом уже почти десять лет, — сказал он. — Я ушел из профессии, пусть и неофициально. Я занимаюсь то театром, то дизайном интерьеров, но самый большой заработок приносят коллекционеры. Люди, которые собирают самые разные вещи, обращаются ко мне с просьбой найти какой-нибудь редкий экземпляр. Я езжу по всему миру — и получаю за это неплохие гонорары. Живу куда лучше, чем когда работал адвокатом. Но Вольф не знал, что я бросил адвокатуру. Уверял, что в деле, которое касается двух этих сраных бутылок виски, он может положиться только на меня.

На несколько секунд Стушберг опустил голову, а потом встал и отошел к стене. И пока Бен думал, которой из новых профессий адвоката приемная обязана своим дизайном, тот открыл стеклянную дверцу и набрал код из пяти цифр. На высоте человеческого роста находился сейф.

Послышался свист — и звук отодвигающегося засова.

Бен отклонился: адвокат / театральный деятель / дизайнер интерьеров / антиквар грохнул бутылку на стол.

— Гленфиддик, — сказал Стушберг. — Тридцать лет. Виски, не ерунда какая-нибудь. — Он нежно провел пальцами по бутылке. — Крепкое, но с фруктовым насыщенным вкусом, с медовыми и пряными нотками и отличным «дымным» послевкусием. — Он посмотрел на Бена. — Не понимаете, о чем я?

— Я не пью, — сказал Бен. — У меня... э-э-э... алкоголь не усваивается.

— Ничего страшного, — ответил Стушберг. — Я пью, и немало, но и я понятия не имел, что это за виски. Я почитал о нем лишь после того, как получил его от Вольфа, и теперь могу цитировать красивые фразы со словом «фруктовый». Но ведь есть вещи, которые нужно чувствовать, а не только представлять себе. — Он достал из ящика два блестящих стакана. — Хотите, вместе попробуем?

Бен уставился на него и лишь через пару секунд сообразил, что ответить:

— А, не. Я не пью. Не сейчас. Лучше сохраним его для другого случая.

Поставщик антиквариата разочарованно скривился.

— Ну ладно, — сказал он, — но вы должны уметь пить виски.

Он наклонился к растерянному молодому человеку и деловито стукнул пальцем по столу:

— Не отказывайте этому напитку в заслуженных почестях. Он тридцать лет ждал вас в бочке. Тридцать лет! И это не считая того времени, что он провел в бутылке. Есть бутылки, которым лет сорок пятьдесят... Этот напиток узнал кое-что важное об этом мире, и все его существование было подготовкой лишь к одному моменту — когда он попадет вам в рот. Поэтому не глотайте это виски залпом, лишь бы только «забрало». Подержите его во рту, покатайте его, пожуйте — это минимум того, что вы можете для него сделать. И это стоит того. Оно перестанет обжигать, станет терпимым на вкус, из терпимого — интересным, а из интересного — целой историей.

Используйте его, чтобы достичь спокойствия, а не чтобы отрубиться и забыться. Под виски нужно разговаривать о сущности и смысле жизни, под виски хорошо проходит тихий вечер — когда вы

с любимой смотрите друг на друга; под виски хорошо посмеяться со старым другом. Хотите опьянеть? Для этого есть водка. Виски — для продвинутых пользователей. Его пьют только для того, чтобы снять слой лжи, которым покрыта наша жизнь.

И главное — не пейте его в одиночестве. Выпивать надо с другом или подругой. Не важно, что будут пить при этом они. Главное — чтобы вам было о ком вспомнить, когда будете пить виски в следующий раз.

Стушберг, довольный, откинулся на спинку кресла и посмотрел на Бена тем взглядом, которым зрелые люди одаривают молодых, посоветовав им что-нибудь и заранее зная, что к совету те никогда не прислушаются.

Бен посмотрел на него, на бутылку — и снова на него. Когда одна бровь адвоката дернулась, он чуть было не сказал «хорошо», но Стушберг тут же признался с улыбкой:

— Честно говоря, это я тоже вычитал. На самом деле я ничего не знаю про виски. И вообще, я люблю вино. Но эти слова звучат правильно.

Адвокат резко встал, поднял бутылку виски и протянул ее Бену.

Бен встал неуклюже, взял бутылку одной рукой и кое-как засунул ее в расстегнутую, словно в ожидании, сумку, лежавшую у его ног. Одна попытка, вторая, третья — и сумка застегнулась, поглотив бутылку виски, как если бы это был очередной технологический журнал.

Они молча пожали друг другу руки, стоя по обе стороны стола.

Теперь Бен не знал, куда деть руки. Они свисали по бокам, как переваренные макароны. Надо что-то сказать — не просто спасибо, а какую-нибудь эффектную заключительную фразу. О Вольфе и о том, как осуществилось его последнее желание. Или о том, как человек, стоящий сейчас напротив, исполнил это желание. Короче говоря, надо как-то красиво завершить эту беседу.

В конце концов он спросил:

— Восемьдесят второй автобус еще ходит?

— Понятия не имею, — отвечал адвокат.

Бен покивал головой, как будто хотел сказать: «Да-да, конечно-конечно», поднял руку на прощание — можно было, конечно, порешительнее, — быстро выскочил из кабинета и прошел мимо леопарда в экстазе и всех прочих экстравагантных вещей.

С входной дверью пришлось повозиться, но наконец он ее открыл, с трудом удержался, чтобы не оглянуться — не смотрит ли на него Стушберг? — а потом сбежал вниз по лестнице, не останавливаясь, и вдруг понял, что придется подниматься обратно, потому что он добежал почти до подвала.

Даже через толстую дубовую дверь можно было услышать, как по дому разливается звонок.

Он ждал — и понимал, что в камеру прекрасно видно его лицо. Надел то, в чем обычно ходил по домам: черный пиджак с легкой искрой, скроенный точно по его фигуре, белую хлопковую рубашку, достаточно свободную — и в то же время достаточно официальную, свободную настолько, чтобы в ней было удобно быстро двигаться, если что; дизайнерские брюки из очень дорогой ткани, легкие элегантные черные ботинки. И без темных очков. Когда идешь в чужой дом, глаза должны быть видны.

Ну и по мелочи. Пистолет с коротким стволом, тонкое лезвие в подошве ботинка, ремень, который можно обмотать вокруг чего угодно. Когда ходишь по домам, нужно соблюдать все предосторожности. Его уже не раз пытались убрать — для гарантии, что он ничего не выдаст. Хорошая одежда работает на его реноме, а все остальное — для самозащиты.

Он постарался встать как можно удобнее. Правая рука свободно лежит в кармане брюк, левой он держит ручки подарочного пакета с бутылкой вина. Что сейчас будет — он знает как свои пять пальцев. Ему предстоит пройти три рубежа: младшего охранника, который смотрит на камеры, его начальника, кото-

рый должен дать добро на вход, и охранника на входе, который должен исполнить команду и открыть ему дверь. Они тут действуют быстро, и вся история займет у него полминуты, не больше.

Дверь открылась, и на него уставилось лицо с огромным подбородком. Знакомая морда, про себя он называет его «Пятый». К сегодняшнему дню он успел насчитать семерых мужиков с непроницаемым взглядом, которые повсюду сопровождают его нынешнего босса и охраняют дом. У Пятого — карие глаза, татуировка с какой-то длинной надписью — она начинается где-то на плече, а из-под рукава выглядывает только ее конец — и бицепсы, которые явно участвовали не в одной карательной операции.

Он улыбнулся, представляя себе расправу над этой гориллой: он перережет ему глотку, а тот даже не успеет ничего сообразить. Пятый был ошибкой босса, одной из немногих: он редко прокалывался с выбором охранников. Быстрота реакции и способность предвидеть последствия важнее, чем грубая физическая сила. Он предположил, что босс оставил Пятого в охранниках — пусть и сделал его наполовину портье, который только открывает двери, — по необходимости или по каким-то сентиментальным соображениям. Пятый открыл дверь и легким движением головы пригласил его войти.

Слов не нужно. Они уже знакомы, уже знают процедуру: чем меньше разговариваешь с людьми, тем меньше знаешь — и тем меньше тебе нужно волноваться, что ты получишь неверную информацию. Во время таких визитов все заинтересованы в том, чтобы общения не было.

Он быстро оглядел холл: не изменилось ли что. Та же аляповатая скульптура справа, тот же огромный цветочный горшок у лестницы, зеркало, как

всегда, блестит, на стене все еще висят портреты дедов — достаточно заметные, чтобы дать понять, как важно прошлое, и достаточно незаметные, чтобы дать понять, что не так уж оно и важно. Картина маслом — балерина — по-прежнему на стене слева, и та же люстра без лампочек неподвижно свисает с потолка.

Как и каждый раз, входя в комнату — в любую, — он продумывал стратегию действий на случай, если на него нападут: что можно будет использовать как оружие, что — для защиты, каково пространство для маневра. В холле ничего принципиально не изменилось — и он вернулся в обычную для себя степень готовности.

Пятый едва махнул рукой налево, в сторону коридора. Смысл был такой: «Туда. Босс в библиотеке».

Он развернулся и пошел.

Его нынешний работодатель решил построить библиотеку там, где когда-то был летний сарай или, может, пристройка для гостей, и теперь, чтобы в нее попасть, нужно было сначала пройти по крытой галерее, которая огибала продолговатый бассейн во дворе. Никогда не бывало, чтобы в бассейне кто-нибудь плавал, но у бортика всегда сидел Шестой — смотрел, что происходит.

Не происходило там ничего. Никогда.

Ему порой становилось интересно, каково это — иметь такую работу? Вставать с утра, надевать тонкий костюм, засовывать в задний карман брюк из черного полиэстера пистолет — и сидеть у пруда восемь, десять, четырнадцать часов в сутки, только чтобы «сторожить». А потом — возвращаться домой.